

29 ИЮН 1975

ШИТЫЙ ЗВЕЗДАМИ ПЛАЩ

— О Ч Е Р К —

ОКНО троллейбуса заплывает холодной изморосью. Слишком долгая осень.

Тротуарам надоело мокнуть в ожидании снега, белой чистоты. За мокрыми стеклами огни вечера словно дрожат от неуверенности. По улицам бегут грибы-зонты. Лиц не разглядишь...

И настроение словно эта изморось. Особенно, когда устанешь до того, что говорить не хочется. Но есть для меня в этой дороге с работы заветная «отдушина»: проезжать мимо нового кукольного театра. Даже если поздно, в окнах-бойницах директорского кабинета чаще всего видишь свет. Если его нет, значит, наши уехали или в район со спектаклем, или в Киев сниматься на телевидении. А, может быть, Александр Миронович в Москве, на заседании президиума Всесоюзного театрального общества. Или в Париже, на совещании УНИМА (Международного объединения деятелей кукольных театров).

Но если свет горит... Стоит только перебежать дорогу, постучаться... И из стекла-морморного великолепия с легкой стремительностью, как умеют ходить лишь волшебники в сказках, появится стройный седой человек. Безмерно уставший. Собственно, эту усталость можно вычислить лишь логически: утром был спектакль, потом репетиции, потом председательские дела в Калининском отделении ВТО, потом дела со строителями, общающимися вывести трубу куда положено, потом надо думать всем вместе, как подвести в фойе уникальную десятиметровую люстру. На обдумывание «Божественной комедии» режиссеру Ильвовскому остаются крохи времени, и он их собирает. А зритель потом придет и увидит спектакль, искрящийся фантазией и остроумием, сделанный словно «на одном дыхании». Мы привыкли владеть первоклассным кукольным театром. И давно, например, знаем мнение авторитетов, что тигренок Петрик Ирымы Эмильевны Суни — лучший в Союзе. Стоило нашим впервые показать «По щучьему велению» в Венгрии, на международном фестивале, как посыпались приглашения из разных стран.

Мы привыкли. А Ильвовский — нет. Потому что двадцать пять лет страстного трудолюбия приучили его только к одному: брать ношу потяжелее и ничего не делать впойсилы. И усталость свою не нести, как крест. Пусть лучше ее вычислят другие, логическим путем.

В сорок девятом году Александр Миронович восемь меся-

цев пролежал после инфаркта. Врачи приговорили: надо немедленно уходить из драматического театра.

Перед родными он старался держаться молодцом. Жена, Антонина Михайловна Вольская (теперь народная артистка РСФСР), понимала, что для него расстаться с театром после десятилетия самозабвенной работы равносильно катастрофе. И старалась держаться молодцом.

Потом к ним пришел незабвенный друг актеров Алексей Иванович Лазарев и предложил: — Можете, пойдете руководить Театром кукол?

— А чем они там занимаются? — Сам увидишь, — улыбнулся Лазарев.

...Был на улице Каляева дом. А в нем — коммунальная кухня. С кастрюлями, керосинками и кошками. В ней и репетировали. Чтобы увидеть куклу над ширмой, надо было выходить в коридор, стараться не греметь ведрами и выглядывать из двери. Актеры по этому поводу не особенно тужили, потому что главным считали концерты. На афишах маленькими буквами печаталось: «артисты театра кукол». Стыдились своего театра.

В одном из пошлых скетчей выступил и Александр Миронович, а потом сказал: — Хватит, мы театр — детский и будем работать для ребят.

Актеры взбунтовались, уверяя, что умрут с голоду, если займутся только куклами.

ЧЕЛОВЕК, долго и хорошо знающий Ильвовского, однажды сказал: — Завидую его железной целеустремленности.

Помню, меня поразила эпитет «железная». Александр Миронович — сама деликатность, тактичность, и вдруг это слово. Потом, вспомнив многое, поняла, что и оно слабо, — стальная целеустремленность — так будет вернее. Ильвовский беспощаден к себе и невероятно требователен к соратникам. С ним трудно работать.

Вот Александр Миронович за кулисы шепотом отчитывает звукооператора, на долю секунды позже включившего музыку. Спектакль должен идти не как часы, а как хронометр. Причем

он таким будет и в школьном классе, и в сельском клубе, и в зале филармонии.

Пришло письмо от директора далекой школы Старицкого района с одной просьбой: посоветовать, как организовать кукольный театр, чтобы занять ребят по вечерам. Можно тоже ответить письмом. Но в самую осеннюю распутицу в эту школу отправляются секретарь комсомольской организации театра и актер. К великому восторгу ребят, проводят целый семинар и на прощание дарят куклы и декорации.

Секретарь Краснохолмского райкома партии в газетной статье в двух абзацах обратился к работникам искусства с просьбой «взять над сельскими тружениками шефство». Кукольники откликнулись самыми первыми. Написали в райком, договорились о сроках, все спланировали и поехали. К взрослым и детям. Со спектаклями и лекциями.

Девочка пишет, что ей, когда в их селе показывали сказку, больше всего понравился поросенок. И нельзя ли его прислать насовсем? Срочно в театре мастеров точь-в-точь такого же поросенка и отправляют его бандеролью.

Трудно с ним работать. Уходили же актеры из театра или сразу (немногие), или уже только на пенсию.

28 ЛЕТ наши кукольники провели на «колесах», выпрашивая «углы» в других театрах, приспособлявая под мастерские тесные помещения. Сам С. В. Образцов «смакивал» И. Э. Суни в Москву, но она нигде не поехала.

Во что же верил Ильвовский на этих вечных дорогах? Ведь тогда мультфильмы, спектакли театров кукол не пользовались столь пламенной и повальной любовью, как сейчас.

Он верил своим зрителям. Он был покорен детством — этой, как сказал Максим Горький, «великой державой, с суверенными правами и законами».

Корней Чуковский однажды заметил: «Где же серьезным и безрадостным взрослым, «измученным жизнью, коварством надежды», соваться в безоблачно-солнечное царство детей?» И, уже не шутя, предупреждал, что творить для них может человек, запасшийся всем богатством интеллекта и могучей эстетикой, и

тому же имеющий «редкостный талант заражаться ребячьими чувствами, начисто отрешаясь от психики взрослых».

Вот таким сложнейшим делом, такой радостью сразу же и бесповоротно увлекся Александр Миронович.

РЕБЯТИШКИ давно уже зовут его «Миононцем» и считают своим. Перед спектаклем в зале привычный шум и ликование праздника. А какая-то кроха пришла сегодня в театр впервые. Поэтому Ильвовский и говорит молодым актерам:

— Мы никогда не имеем права играть вопреки и портить первую встречу ребенка с искусством. Вы понимаете, что это такое?

Кукольники знают свое могущество. В ленинградских больницах театр Е. С. Дементи специально выступал перед тяжело болеющими ребятами. И врачи потом научно подтвердили, что эти дети быстрее поправлялись.

Ильвовский поставил сказку «Аистенок и Пугало». Нехитрую историю о том, как мальчишки подбили крыло Аистенку, и он не смог улететь со своей стаей... Забытое осенью на огороде Пугало помогает Аистенку выжить в зимней стуже. Приходит весна. Прилетают аисты. И Аистенок прощается с другом.

Спектакль получился удивительно пластичным. От чисто андерсеновской интонации грусти в зале и взрослые... Две минуты безмолвно мечется уже попрощавшийся Аистенок между стаей и Пугалом. Подобную паузу рискованно вводить в детский спектакль, не выдержат. Но в зале звенящая сочувствием тишина. Ильвовский облегченно переводит дыхание: «Умницы вы мои!»

ХОТЕЛА бы только передать Вам мою неисчерпаемую внутреннюю радость, чтоб я была спокойна, что Вы проходите сквозь жизнь в шитом звездами плаще». Прочитав недавно эти строки письма Розы Люксембург к жене Карла Либнехта, мгновенно подумала об Александре Мироновиче. Наверно, потому, что, когда я вижу, как после спектакля из театра вылетает одухотворенное детство, мне кажется, что на плечи всех мальчишек и девчонок накинуты звездные плащи. И сделали это руки Ильвовского.

М. МОТУЗКА.